

УДК 111.1

ОТКРЫТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СУБЪЕКТНОЙ ОНТОЛОГИИ

Ю. В. Бизяева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 ноября 2009 г.

Аннотация: в статье рассмотрены взгляды русского философа Н. А. Бердяева на историческое развитие теории познания. В центре исследования этико-антропологические воззрения мыслителя, высказанные им в работе «О назначении человека». Главным теоретическим достижением данной работы является раскрытие центральности проблематики человека в процессе познания. В статье показано искривление онтологии теории познания и восстановление ее исторических первоначал, а также предложен выход в новое пространство субъектной онтологии.

Ключевые слова: теория познания, этико-антропологические, проблематика человека, онтология теории познания, субъектная онтология.

Abstract: in this article there is an analysis of views of Russian philosopher N. A. Berdyaev on historical development of the knowledge theory. Ethic-anthropological philosopher's outlook, expounded in the paper «About man's function», is in the limelight of the investigation. The central role of human being's range of problems in the cognition process is reported to be the main theoretical achievement of this paper. Article's author thoroughly shows distortion of knowledge theory's ontology and recovery of its historical alphas, besides he suggests an opportunity to transmit to the new realm of the subjective ontology.

Key words: theory knowledge, ethic-anthropological, problematic of person, ontology theory of knowledge, personal ontology.

Ближе всего к человеку находится сам человек.

Аристотель

Недостаточность объектной онтологии бытия и необходимость пересмотра исторических первоначал субъектного бытия обнаружили уже в начале XX века. Но вряд ли даже после столетия почти абсолютной власти объективных подходов в науке и философии сегодня можно утверждать об их абсолютной независимости от субъекта и субъективных подходов, которые неизменно все же присутствовали внутри объективного пространства в развивающейся истории, как сокрытая до времени энергия вулкана, набирающая постепенно массу и полноту, чтобы в какой-то момент восстановить необходимое равновесие и новый порядок зависимостей. Так в свое время набирали свою силу и выясняли отношения единичное и общее, необходимое и случайное, возможность и действительность, эмпирия и теория, диалектика и метафизика. Теперь свой черед, очевидно, пришел для отношений объективных и субъективных подходов.

Следует учесть, что историческая текучесть бытия неоднократно ставила этот вопрос на повестке истории. Но, так или иначе, он все же решался, разумеется, в разные времена по-разному. Но еще никогда он не ставился так остро, как в последнее столетие. Причины этого называются разные: научный, политический, экономический, финансовый, военный, культурный, социальный кризис, — в зависимости от направления исследования. Но суть их одна: понижение бытия, в котором соединяются все объективные причины, грозя превратить в очередной хаос территориальное пространство безосновной хрупкой субъективности, которая, вновь устремляясь к бесконечное возможное, опять должна собрать все свои пожитки. Мы имеем в виду изобретенные способы человеческого субъективного существования, чтобы шагнуть в это опять неизвестное будущее.

В статье мы обращаем внимание на одну из главных, на наш взгляд, работ Н. Бердяева — «О назначении человека», в которой ему удалось осуществить беспрецедентный разворот всей предшествующей объектной онтологии человеческого бытия к субъективной.

Работа не случайно начинается с выяснения главной онтологической проблемы, нерешенность которой перекрыла движение социального бытия на пути возвышения культуры. Эта проблема встала как непроходимая стена, как апокалипсис, как пропасть и ужасающий разрыв онтологии исторического пространства человеческого существования. Суть данной проблемы состояла в том, что человек не только вдруг перестал быть предметом объектной онтологии, но и вдруг оказался вне бытия, испытал потрясение от тотальности крушения Мира, в котором даже революции и мировые войны стали казаться трагически частными эпизодами. Ибо главным событием стало выпадение человека из исторического бытия, человека, который фактически в погоне за объективностью сам поставил себя и свое субъектное существование вне бытия. Далее идет детальный разбор причин этой трагедии, в ходе которого восстанавливается историческая азбука философских начал человеческого существования. Поскольку современный кризис социального бытия вновь сталкивается с необходимостью коррекции онтологических начал бытия, есть потребность проследить предостережения Н. Бердяева, которые неожиданно выстраиваются как ориентирующие вехи, указывающие пути развития истории и философии, исправляющие aberrации исторических познавательных технологий, в результате которых человек выпал из философского знания, перестав быть предметом познания и оказался как бы вне бытия.

Рассматривая этику как первоосновное проверенное историческое средство формирования субъективных начал, условие завоевания бытия, не раз доказавшее свою эффективность, как уникальный философский метод, созданный рискованной практикой человеческого существования и выработанный в пространстве трудной исторической культурной работы над человеком, Н. Бердяев обращает внимание на то, что этическое познание не вдруг остановилось в своей исторической

работе, что оно «ранено трагедией общефилософского познания» и вскрывает последствия этого ранения. Поскольку эти последствия не преодолены до сих пор, а кризис культуры и философии продолжается, есть необходимость выделить их в нашем исследовании.

Во-первых, Н. Бердяев обнаруживает, что познание «оторвалось от человека», от его жизненных проблем, и «даже те, кто отдал все силы гносеологии, не доходят до онтологии живого существования» [1, с. 330]. В результате на всем пути познания перед человеком оказывается лишь история познания, а не целостное бытие человека. Вследствие такой подмены предмета познания бытие остановилось и, более того, продолжает происходить раздвоение и распыление сил, тогда как необходим переход к самому предмету познания — человеческой жизни, которая «поникла без прямого заинтересованного участия человека».

Во-вторых Н. Бердяев вскрывает, что познание «перепутало направление мышления и идет не туда», поясняя, что «к бытию нельзя прийти», что «из него можно только изойти», иначе — природный тупик, вывих бытия. Выделяя вопрос о направленности познания как один из основных вопросов, определяющих топологическое пространство онтологии человеческого существования, автор обращает внимание на то, что познание не может создать бытие из понятия, как того хотел Гегель, поскольку познание — «свет, блеснувший, — из бытия», но еще не само рождающее бытие.

В-третьих, Н. Бердяев обращает внимание на то, что перед мощным развитием масштабных исторических систем немецкой философии «не устояла историческая онтология Античной и Средневековой философии», что власть новых систем была так велика, что разрушила так необходимую хрупкую культурную целостность бытия. При этом обнаружилось, что вся европейская философия — это только критика, претендующая встать над жизнью, хотя на самом деле «является лишь более высокой стадией европейского Просвещения».

В-четвертых, погружение в проблему «раненого сознания» становится еще более напряженным, когда Н. Бердяеву удивительно точно удастся провести историческую грань между исторически сделанным и тем, что предстоит сделать. В частности, он отмечает, что Кант значительно углубил Просвещение и что Гегелю, безусловно, удалось расширить права разума до беспредельности. Несомненно и то, что все это позволило показать высокое значение разума, и то, что рефлексия разума представляла реально значимый жизненный опыт, который не должен быть утерян или зачеркнут бесследно. Однако этот гносеологический опыт выронил предмет — само бытие и «может быть преодолен только более полным опытом, в который этот предмет входит». Это замечание представляется сегодня невероятно актуальным, поскольку современный кризис продолжает демонстрировать удаление познания от предмета и распадение целостности, как бытия, так и познания.

Поэтому Н. Бердяев считает необходимым последовательное восстановление азбуки теории познания и начал философского мышления как

первичных условий, определяющих правильное движение исторической мысли по воспроизводству онтологии бытия, и напоминает, что философия — это отношение к жизни человека, а его сознание — только одна из форм поддержки человека на пространстве истории — изобретенный им способ освоения бытия, что противоположность сознания и бытия — это всего лишь результат рефлексии, ибо сознание как признак бытия принадлежит бытию человека и происходит из бытия человека и без человека не существует. А потому противопоставление «внеаходящегося бытия» сознанию — величайшее заблуждение, поскольку является «объективированием субъектного бытия», которое в этих условиях теряет свою онтологическую значимость. Сознание вне субъекта — фикция, ибо «сознание и есть непосредственный акт бытия, через который с самим бытием нечто происходит». Вывод Н. Бердяева категоричен: «Выбрасывание познания из бытия есть роковой плод рационального просвещения». Акт познания не может считаться бытийственным актом, то есть движением бытия, если познание противостоит бытию человека как объекту, ибо оно является «знанием о чем-то, но не чем-то».

Отрыв познания от бытия привел к тому, что для познающего перестал существовать мир сущих идей, а остался мир идей о сущем. Нет добра, а остаются только идеи добра, которые некому осуществить. И только в те эпохи, когда «познание было в бытии и происходило с бытием, познающий мог стать предметом познания». Платон, Плотин, Августин, Паскаль, Бемэ ... у всех еще человек был как предмет познания, замечает Бердяев. Но человек, поставивший себя вне бытия, уже не может стать предметом познания, так как предметом познания для него стало лишь объективное бытие, в которое он со своим субъективным бытием уже не входит и не может войти, чтобы его познание стало актом в бытии. В результате бытие раздвоилось, остановилось и перестало длиться.

Вводя этот собирательный критерий центральности проблем человека и анализируя возникшее различие подходов науки и философии, Н. Бердяев вынужден констатировать, что вся наука представляет собой видение только объективного мира вне человека, в то время как подлинная философия должна видеть мир через человека. Для науки бытие — только природа, для философии главное бытие — дух. При этом антропология — центральная онтологическая часть философии духа. Поэтому освобождение философии от антропологизма для Н. Бердяева — умерщвление философии, ибо примат над бытием принадлежит человеку. Бытие раскрывается в человеке, из человека и через человека. Бытие, которое не есть развитие духа, то есть не связанное со спецификой второго рождения и продолжением бытия, есть «тирания натурализма, описывающая экзистенциальные вестрадания».

Наука оказалась построенной на отчуждении человека от бытия. Философию же отчужденное бытие не интересует. Философия знает, что только тогда она соответствует своему назначению, когда не

объективируется, и тогда открывается ее смысл как «мое всегда индивидуальное и субъективное состояние непрерывного творчества».

Но если философия становится только миром объективных идей, то этот мир делается противостоящим, объектным, теряя субъективность и вместе с ней и перспективы развития духа. Подлинная философия познает, делая мир идей Платона [2, с. 267], Канта [3, с. 505], Гегеля [4, с. 429] своим, и оттого она становится бытийственно-жизненной. Чужие идеи не могут быть предметом философии, ибо философия — это всегда свои идеи, о своем назначении, о себе.

Вывод Н. Бердяева категоричен: историзм, превращающий все знание в объект, — гибель философии, так же как натурализм, представляющий собой наивный реализм, и психологизм, сделавший ставку на замкнутость человека в природном мире. Опустошение, произведенное критикой и абсолютизацией историзма, натурализма и психологизма, человекоубийственно для культуры и философии. Результат этого — абсолютный релятивизм, перекрывший прорыв к смыслам бытия, и это выглядит как покушение на человека. Здесь считаем важным напомнить аристотелевскую заповедь по поводу возникающего бытия, которая требовала не только гносеологической определенности, но и онтологической. Буквально она звучала достаточно конкретно: чтобы вещь была познавательно определена, она должна быть онтологически определенной, то есть реально существовать в пространстве и времени. И только тогда она может вступать в отношения с другими вещами и другим бытием. В этом случае вещь есть единство определения и определенности, то есть формы бытия и материи. При этом важно, что уже сами формы бытия зависят от человека, то есть не проявляются без человека. Он проявляет эти формы бытия через соотнесенность себя с миром.

Поэтому сегодня нельзя не обратить внимание на то, что абсолютизация модернистских и релятивистских направлений, словно забыв все онтологические заповеди, превратила зону поискового пространства новых бытийных форм лишь в «праздник» натурализма, спонтанное развитие природного бытия, определив как вершину мысли, идеи слияния человека с природным бытием, которое, безусловно, важно, но которое только начало всех последующих исторических эволюций. И, конечно, только человек с необходимостью может продолжить их, ибо вне социальной, культурной, духовной эволюции человек только животное. И весь вопрос в том, как будут надстраиваться эти эволюции друг над другом, то есть в онтологически значимых способах их соединения, ибо не всякое соединение является рождающим бытием.

В настоящее время для нас принципиально важны методологическая позиция Н. Бердяева и его мнение о том, что философия должна быть не учением только о трансцендентном сознании, божьем разуме, гносеологическом, социальном, биологическом или психологическом субъекте, а онтологическим учением о человеке, о проблемах возникновения моего индивидуального творческого сознания, а не об априорных или биологически пульсирующих формах бытия. Для этого

теория познания должна расширить свои границы и стать философской антропологией, то есть включить всего человека и весь опыт, все направления его самостояния в истории, а не только познание. И в этом Н. Бердяев невероятно актуален, а его поправки несут принципиальную онтологическую значимость.

Н. Бердяев даже устанавливает причину недооценки общего философского знания, обнаруживая, что основная угроза деградации философского познания возникла от того, что философия в стремлении быть положительной объективной наукой попала в историческую зависимость от законов науки, требующих объективности. И эта «зависимость» философии от науки неожиданно превратилась в «зависть», став приговором к «рабству перед объективностью», привела к «утрате достоинства философии» [5, с. 211]. Тогда как свобода мысли начинается со своеобразия творчества. Именно оно и есть собственный путь философии и ее собственное место. С этого и начинается ее историческое самостояние и достоинство, то есть с борьбы за истину с другими историческими формами мировоззрения: религией, «деспотическим самодержавием» науки, абсолютизацией идеологических теорий, «средостенией», как социальной астенией. При этом истинным в бытии считается лишь то, что для последующего бытия есть причина его истинности, то есть то, что связывает предшествующее бытие и последующие его формы. А именно то, что придает социальному бытию, то есть отдельным способам существования, устойчивое отличие от только природного существования. Выскажем предположение: не здесь ли кроется критерий всех предстоящих преобразований? Безусловно, именно здесь задается такая высокая, онтологически значимая планка требований к текущему и вновь возникающему порядку бытия и его началам, ибо поиск выяснил, что эти начала не только историчны, то есть творимы, но и автоматически не заданы никакими эволюциями. Поэтому философия должна вновь и вновь начинаться со свободы и независимости творчества исторического субъекта мысли, при котором результаты этого творчества не будут не только объективироваться, но и станут приобщением к познанию высших смыслов социально значимого — человеческого бытия. И только тогда философское знание будет соответствовать своему назначению.

Следующая угроза потери достоинства философии — оторванность познания от предмета бытия. Опасность состоит в том, что эта оторванность от своего предмета поставила человека вне бытия. В результате философское познание перестало быть актом в бытии, а стало актом освобождения от бытия.

Родив познание как откровение — открытие бытия, европейский рационализм сначала абсолютизировал результат, а затем освободился и от самого бытия, углубив эту пропасть между бытием и познанием. Дело в том, что освободившись от религии, отяжеляющей и загромождающей чистое рациональное познание, он постепенно освободился и от бытия более высокого — духовного, определяющего синтез социаль-

ной работы. В результате философское познание сузилось и фактически попало в зависимость более тяжкую — от научного опыта и науки, которые — только миг философии. Это и стало «рабством философии у науки», по Н. Бердяеву, ее «террором», санкционировавшим опустошение исторической проблематики философии — искусственно обесценившим ее масштабный опыт.

Подлинная Философия — о самых главных тайнах бытия, которые в человеке. Через раскрытие этих тайн только и возможен прорыв к смыслу бытия, который возможен только через борьбу идей и противостояний человека. Важнее всего в ней — знание этого человека об общем и целом, то есть знание о принципах организации и сущности бытия человеческого, ибо нечеловеческого бытия не бывает. И только потому, что бытие человечно, мы можем раскрутить его смысл, соразмерный с человеком, где способность «быть» и становится началом человечности. И феноменология Э. Гуссерля в этом смысле есть только попытка преодоления природного антропологизма. И вся правда феноменологии М. Шелера [6, с. 134], И. Гартмана [7, с. 85] и М. Хайдеггера [8, с. 189] — в направленности на бытие. Хотя нельзя не видеть, что бытие Э. Гуссерля особого рода. Оно — идеальное, внечеловеческое. Здесь ошибка, ибо познание — не идеальное, внечеловеческое бытие, которое человек как бы впускает в себя, как мир сущностей, а человеческое, не психологический и, конечно, не биологический, а духовный акт творчества.

Смысл вещей открывается не вхождением их в человека при пассивно разрешающей его установке вещам, а творческой активностью, усилием человека, как прорыв к смыслу из бессмыслицы. В предметном, вещном, объектном мире без человека смысла нет. Смысл открывается из отношения человека к этому миру и означает «открытие человекоподобности бытия», то есть его рождаемости в зависимости от определенного отношения человека. Внечеловеческое идеальное бытие, освобожденное от человека, бессмысленно. И только в человеческом духе бытие абсолютно человечно.

Дело в том, что смысл не в объекте, входящем в мысль, и не в субъекте, конструирующем мир, а в третьей, не объективной и не субъективной сфере, которая и есть другая, более высокая — духовная жизнь. В ней все — активность, творчество, динамика превращенных форм духа. Это и есть новое историческое пространство, где встреча двух природ: объективной и субъективной получает продолжение!

Таким образом, стремясь преодолеть трагедию познания, Н. Бердяев расширяет фактически рамки познания. Познание уже есть сама духовная жизнь, ее начало, ее просветляющее бытие, преодолевающее все объективации уже в силу своей субъективности, которая реализуется как в сверхприродной способности трансцендирования, так и в возможности выхода в другое измерение бытия. Однако в немецкой гносеологии познающий не есть бытие, он есть только идеальная познающая форма, неясно как связанная с человеком. В результате

бытие не достигает стадии реализации, а разлагается и исчезает — «мимикрирует», заменяясь то объектом, то субъектом, пока не растворяется в небытии, ибо познает не «я», живой человек, не личность, а гносеологический субъект, для познания созданный, вне бытия находящийся и бытию противостоящий. Оттого разрыв становится неизбежен. В результате цель познания не достигается. Бытие исчезает и из субъекта, и из объекта. Само противоположение как бы уничтожает бытие. В объективировании умирает всякая жизнь, исчезает бытие. Это сознавали уже и Виндельбанд, и Риккерт, и Леви-Брюль.

Обнаружив это, Н. Бердяев расчищает все подходы к познанию, восстанавливая его положительный исторический опыт и онтологию. Он замечает, что человек рационалистического направления, познающий и знающий в системе новой гносеологической парадигмы, вдруг обнаруживает бессосновность своего познания. Нет сущностных основ, утрачены смыслы, на которые можно опереться. Прежние же оказались потеряны во времени, став лишь оболочками — пустыми и не способными наполнить, вдохновить других, тех, кто с ними соприкасается.

Анализируя далее историческое состояние, сложившееся в пространстве рационалистической парадигмы, Н. Бердяев приходит к выводу, что «человек вдруг потерял силу познавать бытие, потерял доступ к бытию». Эта обнажающая констатация возникшего исторического тупика Н. Бердяевым в его работе «О назначении человека» обнаруживает поразительную проблему, перед которой человек поставлен уже не одно тысячелетие и которая становится отправной точкой в его рассуждениях о человеке. Глубина проникновения в суть трагедии познания невероятна, ибо проблема, которая кроется здесь, ставит акцент даже не на доступе к бытию вообще, это как бы второстепенно, а на том, кто этот доступ имеет, или потерял, и почему утратил этот доступ к бытию. Почему человек как главный субъект познания, как определяющее начало процесса познания, тот, единственно которого и интересует это познание, тот, у кого есть способность и сила познавать, выпадает из бытия? Невероятно важно здесь прежде всего то, что познание, которое всегда считалось главной способностью человека, способом его бытия, важнейшей опорой человека в бытии вдруг как бы освободилось от своего носителя. Более того, в самом человеке от этого как бы пропала, исчезла сама возможность понимания бытия, поникла творческая сила познавательного акта, благодаря которой он выживал всё это время.

Причину продолжающегося отпадения сознания от своего носителя Н. Бердяев видит в историческом возвышении и абсолютизации методов науки, хотя и понимает, что наука в свое время много сделала для человека. Кроме того, он обнаруживает, что в основание онтологии познания и человеческого бытия всей историей предшествующей культуры человека заложен этический принцип его организации, поскольку все человеческое начинается с этических правил, соотношение которых и определяет историческое сосуществование людей, их связь

и саму их способность познавать. Однако в рациональном познании этот принцип тоже вдруг стал игнорироваться. Результатом же стал тотальный отрыв познания от других онтологических начал человеческого бытия, который привел не только к его абсолютизации, но и отрыву от человеческого бытия в целом, к распадению бытия на независимые, не связанные, конфликтующие составляющие.

Если выстроить отмеченные выше замечания Н. Бердяева, а все они носят онтологический, определяющий развитие и подлинность человеческого бытия характер, то перед нами предстает жесткая необходимость восстановления онтологически значимых исторических первоначал субъектного бытия. Выделим их.

- Важнейшим средством и первым условием завоевания бытия, его онтологическим ядром, определяющим направление исторического развития, является этика — уникальный философский метод и способ человеческого существования, созданный «рискованной практикой человеческого бытия» и выработанный в пространстве исторической культурной работы над человеком.

- Историческая трагедия мирового кризиса человеческого бытия вскрывает глубину распада бытийных форм. Это свидетельствует о том, что угрожающая трещина прошла по главному онтологическому ядру человеческого бытия, которым является этика и этическое познание. Но это еще не все. Само этическое познание было глубоко ранено, в свою очередь, трагедией общеподлинного познания, которое оторвалось от человека и пошло не туда, всё больше удаляясь от своего носителя, вплоть до современных форм позитивизма.

- Чтобы преодолеть надвигающийся апокалипсис — распад человеческого бытия, необходимо восстановить целостность человеческого бытия и исторических способов его существования, первоочередным из которых является способность познания, ибо оно и есть первожизнь, ее начало. Вне человека оно бессильно, без человека его онтологически просто нет, ибо человек — носитель познания. Следовательно, проблемы организации познания должны рассматриваться в рамках общей онтологии бытия, среди которых проблемы продолжения этого бытия через познание и его осмысление — главные, то есть онтологически — жизненно важные, первоосновные.

- Для преодоления распыления сил и абсолютизации отдельных способов существования главным предметом познания должна стать сама человеческая жизнь и бытийные способы человеческого существования, а не только чистые формы познания. Независимое от человека познание не может создать бытие из понятий. Это человек создает и познает бытие.

- Без погружения корней познавательных форм человеческого существования в само бытие оно как бы лишилось причинных бытийных первоначал. Поэтому необходимо восстановить исторически правильное направление познания, определяющее развитие и развертывание топологического пространства субъектной онтологии, где потребности

бытия будут определять сначала формы, а затем структуры и методы познания, а не наоборот.

- Восстановить хрупкую культурную целостность исторического бытия, сохранив исторически последовательную онтологию субъектного бытия, не потеряв достижений Античной и Средневековой философии. Это диктуется тем, что историческая рефлексия разума продиктована реальным опытом истории человеческого бытия, который не должен быть потерян, потому что он есть собрание целого ряда испытанных первоформ культурного человеческого существования и потому он важная составная часть общей исторической онтологии субъектного бытия, которая биологической эволюцией не задана и не гарантирована и потому изначально трансцендентна, то есть задается человеком.

- Восстановить историческую «азбуку» теории познания и начал философского мышления как первичных онтологических условий правильного движения исторической мысли, ибо только история познания обнаруживает онтологически значимую субординацию гносеологических отношений, при которых становится абсолютно ясно, что сознание — только изобретенная человеком штучная структурированная форма бытия, а философия — историческая система — матрица, обобщающая достижения этого штучного бытия, фиксируя их как онтологически значимые социальные формы жизни.

- Преодолеть абсолютизированное рационализмом противопоставление венаходящегося бытия и независимого сознания, вражду объективного и субъективного бытия, бытия в целом и его отдельных способов реализации, ибо их различия — лишь результат рефлексии, поскольку в действительной жизни сознание как признак и акт бытия принадлежит бытию человека и без человека не существует, а значит, и не имеет права распоряжаться человеком, стоять над ним.

- Признать «выбрасывание познания из бытия» тупиковым направлением рационального просвещения, ибо, если познание противостоит бытию, оторвалось от него, оно не может считаться бытийственным актом человеческого существования, поскольку бытие человека — главное назначение познания, а не наоборот.

- Для преодоления aberrаций познавательных технологий признать важнейшим положением субъективной онтологии примат человека над бытием, поскольку бытие раскрывается в человеке и через человека. Оно и есть его (человека) первоформа социального существования, фиксирующая отличие человека от животного, как первый надприродный признак — быть.

- Для преодоления объективирования субъективного бытия развести науку и философию с учетом их специфики. В философии преодолеть абсолютизации натурализма, психологизма и релятивизма. Признать объективацию предметностей социокультурного субъективного бытия губительной для философии. Общим принципом, имеющим онтологическую значимость и соединяющим все субъектные формы бытия,

признать антропологический принцип, фиксирующий центральность человеческого бытия.

• Философия должна стать не учением о трансцендентном сознании, божественном разуме, гносеологическом, рационалистическом, социальном, биологическом или психологическом субъекте, а онтологическим учением о человеке, то есть философской антропологией, включающей все проблемы человека, поиск смыслов и целостности его бытия.

Литература

1. Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. — М., 2003.
2. Платон. Филеб. Тимей. Критий / Платон. — М., 1992.
3. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского ; сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным [примеч. Ц. Г. Арзаканяна]. — М., 2007.
4. Гегель Г. В. Феноменология духа / Г. В. Гегель. — М., 1975.
5. Бердяев Н. А. Самопознание : (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — М., 2006.
6. Шелер М. Избранные произведения / М. Шелер ; пер. с нем.; сост., науч. ред., предисл. А. В. Денежкина; послесл. Л. А. Чухиной. — М., 1994.
7. Гартман Н. Этика / Н. Гартман ; пер. с нем. А. Б. Глаголева ; под ред. Ю. С. Медведева, Д. В. Скляднева. — СПб., 2002.
8. Хайдеггер М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер ; пер. с нем. Н. О. Гучинской. — СПб., 1997.

Воронежский государственный
университет

Бизяева Ю. В., соискатель кафедры
онтологии и теории познания

E-mail: arianrod@list.ru

Tel.: 8-920-469-61-01; (4732) 25-05-47

Voronezh State University

Bizaeva J. V., Postgraduate Student of
the Ontology and Theory Knowledge
Department

E-mail: arianrod@list.ru

Tel.: 8-920-469-61-01; (4732) 25-05-47